

Как умирают русские солдаты (Тревога)

В 1853 году я несколько дней провел в крепости Чахгири, одном из самых живописных и беспокойных мест Кавказа. На другой день моего приезда, перед вечером, мы сидели с знакомым, у которого я остановился, на завалинке перед его землянкой и ожидали чая. Капитан N., наш добрый знакомый, подошел к нам.

Это было летом; жар свалил, белые летние тучи разбегались по горизонту, горы виднелись яснее, и быстрые ласточки весело вились в воздухе. Два вишневые деревья и несколько однообразных подсолнечников недвижимо стояли перед нами и далеко по дороге кидали свои тени, В двухаршинном садике было как-то тихо и уютно.

Вдруг в воздухе раздался дальний гул орудийного выстрела.

– Что это? – спросил я.

– Не знаю. Кажется, с башни, – отвечал мой знакомый, – уж не тревога ли?

Какой-то казак проскакал по улице, солдат пробежал по дороге, топя большими сапогами, в соседнем доме послышался шум и говор. Мы подошли к забору.

– Что такое? – спросили мы у денщика, который в полосатых штанах, поддерживаемых одной помочью, почесывая спину, бежал по улице.

– Тревога! – отвечал он, не останавливаясь, – барина ищут.

Капитан N. схватил папаху и, застегиваясь, побежал домой. Его рота была дежурная. Раздался второй и третий выстрел с башни.

– Пойдемте на кручь, посмотрим, верно, на водопое что-нибудь, – сказал мне мой знакомый. – Не туши самовар, – прибавил он денщику, – сейчас придем.

По улицам бежал народ: где казак, где офицер верхом, где солдат с ружьем в одной и мундиром в другой руке. Испуганные рожи жидов и баб показывались у ворот, в отворенных дверях и окнах. Все было в движенье.

– Где, братцы мои, тревога? где? – спрашивал задыхавшийся голос.

– За мостом антирелийских лошадей забирают, – отвечал другой, – такая большенная партия, братцы мои, что беда.

– Ах ты, мои батюшки! как они в крепость-то ворвутся, ай-ай-ай-ай! – говорила слезным голосом какая-то баба.

– А, примерно, к Шамилю в жены не желаете, тетушка? – отвечал, подмигивая, молодой солдат в синих шароварах и с папахой набекрень.

<– Ишь, ровно на свадьбу, – говорил старый солдат, покачивая головой на бегущий народ, – делать-то нечего.

Два мальчика галопом пролетели мимо нас.

– Эх вы, голубчики! на тревогу! – провизжал один из них, размахивая хлыстом.>

Едва мы успели подойти к кручи, как нас уже догнала дежурная рота, которая с мешочками за плечами и ружьями наперевес бежала под гору. Ротный командир, капитан N., верхом ехал впереди.

– Петр Иваныч! – закричал ему мой знакомый, – хорошенько их, – но N. не оглянулся на нас: он с озабоченным выражением глядел вперед, и глаза его блестели более обыкновенного. В хвосте роты шел фельдшер со своим кожаным мешочком и несли носилки. Я понял выражение лица ротного командира.

Отрадно видеть человека, смело смотрящего в глаза смерти; а здесь сотни людей всякий час, всякую минуту готовы не только принять ее без страха, но – что гораздо важнее – без хвастовства, без желанья отуманиться, спокойно и просто идут ей навстречу. <Хороша жизнь солдата!>

Когда рота была уже на полугоре, рябой солдат с загорелым лицом, белым затылком и серьгой в ухе, запыхавшись, подбежал к кручи. Одной рукой он нес ружье, другой придерживал суму. Поравнявшись с нами, он спотыкнулся и упал. В толпе раздался хохот.

– Смотрите, Антоныч! не к добру падать, – сказал балагур-солдат в синих штанах.

Солдат остановился; усталое, озабоченное лицо его вдруг приняло выражение самой сильной досады и строгости.

– Кабы ты был не дурак, а то ты самый дурак, – сказал он с презрением, – что ни на есть глуп, вот что, – и он пустился догонять роту.

Вечер был тихий и ясный, по ущельям, как всегда, ползли тучи, но небо было чисто, два черных орла высоко разводили свои плавные круги. На противоположной стороне серебряной ленты Аргуна отчетливо виднелась одинокая кирпичная башня – единственное владение наше в Большой Чечне. В некотором расстоянии от нее партия конных чеченцев гнала отбитых лошадей вверх по крутому берегу и перестреливалась с солдатами, бывшими в башне.

Когда рота перебежала через мост, чеченцы были от нее уже гораздо далее ружейного выстрела, но, несмотря на то, между нашими показался дымок, другой, третий, и вдруг беглый огонь по всему фронту роты. Звук этой трескотни выстрелов секунд через пятьдесят, к общей радости толпы зрителей, долетел до нас.

– Вот она! Ишь пошли! Пошли, пошли-и! Наутек, – слышались в толпе хохот и одобрения.

– Ежели бы, то есть, постепенно отрезать их от гор, не могли бы себе уходу иметь, – сказал балагур в синих штанах, обращавший своим разговором внимание всех зрителей.

Чеченцы, действительно, после залпа поскакали шибче в гору; только несколько джигитов из удальства остались сзади и завязали перестрелку с ротой. Особенно один на белом коне в черной черкеске джигитовал, казалось, шагах в пятидесяти от наших, так что досадно было глядеть на него. Несмотря на непрерывные выстрелы, он разъезжал шагом перед ротой; и только изредка около него показывался голубоватый дымок, долетал отрывчатый звук винтовочного выстрела. Сейчас после выстрела он на несколько скачков пускал свою лошадь и потом снова останавливался.

– Опять выпалил, подлец, – говорили около нас.

– Вишь, сволочь, не боится. Слово знает, – замечал говорун.

<– Задело, задело, братцы мои, – вдруг слышались радостные восклицания, – ей-богу, задело одного! Бог важно-то! Ай лихо! Хоть лошадей не отбили, да убили черта одного. Что, дофарсился, брат? – и т. д.>

Между чеченцами вдруг стало заметно особенное движение, как будто они подбирали раненого, и вперед их побежала лошадь без седока. Восторг толпы при этом виде дошел до последних пределов – смеялись и хлопали в ладоши. За последним уступом горцы совершенно скрылись из виду, и рота остановилась.

– Ну-с, спектакль кончен, – сказал мне мой знакомый, – пойдете чай пить.

– Эх, братцы, нашего-то, кажись, одного задели, – сказал в это время старый фурштат, из-под руки смотревший на возвращавшуюся роту, – несут кого-то.

Мы решили подождать возвращения роты.

Ротный командир ехал впереди, за ним шли песенники и играли одну из самых веселых, разлихих кавказских песен. На лицах солдат и офицера я заметил особенное выражение сознания собственного достоинства и гордости.

– Нет ли папирсы, господа? – сказал Н., подъезжая к нам, – страх курить хочется.

– Ну что? – спросили мы его.

– Да черт бы их побрал с их лошадьми <паршивыми>, – отвечал он, закуривая папиросу, – Бондарчука ранили.

– Какого Бондарчука?

– Шорника, знаете, которого я к вам присылал седло обделывать.

– А, знаю, белокурый.

– Какой славный солдат был. Вся рота им держалась.

– Разве тяжело ранен?

– Вот же, навывлет, – сказал он, указывая на живот. В это время за ротой показалась группа солдат, которые на носилках несли раненого.

– Подержи-ка за конец, Филипыч, – сказал один из них, – пойду напьюсь.

Раненый тоже попросил воды. Носилки остановились. Из-за краев носилок виднелись только поднятые колена и бледный лоб из под старенькой шапки.

Какие-то две бабы, бог знает отчего, вдруг начали выть, и в толпе слышались неясные звуки сожаления, которые вместе со стопами раненого производили тяжелое, грустное впечатление.

– Вот она есть, жисть-то нашего брата, – сказал, пощелкивая языком, красноречивый солдат в синих штанах.

Мы подошли взглянуть на раненого. Это был тот самый беловолосый солдат с серьгой в ухе, который спотыкнулся, догоняя роту. Он, казалось, похудел и постарел несколькими годами, и в выражении его глаз и склада губ было что-то новое, особенное. Мысль о близости смерти уже успела проложить на этом простом лице свои прекрасные, спокойно-величественные черты.

– Как ты себя чувствуешь? – спросили его.

– Плохо, ваше благородие, – сказал он, с трудом поворачивая к нам отяжелевшие, но блестящие зрачки.

– Бог даст, поправишься.

– Все одно когда-нибудь умирать, – отвечал он, закрывая глаза.

Носилки тронулись; но умирающий хотел еще сказать что-то. Мы еще раз подошли к нему.

– Ваше благородие, – сказал он моему знакомому. – Я стремена купил, они у меня под нарком лежат – ваших денег ничего не осталось.

...

На другое утро мы пришли в госпиталь навестить раненого.

– Где тут солдат восьмой роты? – спросили мы.

– Который, ваше благородие? – отвечал белолицый исхудалый солдат с подвязанной рукой, стоявший у двери.

– Должно, того спрашивают, что вчера с тревоги принесли, – сказал слабый голос с койки.

– Вынесли.

– Что, он говорил что нибудь перед смертью? – спросили мы.

– Никак нет, только дышал тяжело, – отвечал голос с койки, – он со мной рядом лежал, так дурно пахло, ваше благородие, что беда.

...

Велики судьбы славянского народа! Недаром дана ему эта спокойная сила души, эта великая простота и бессознательность силы!..